

Сегодня это уже повторялось в который раз. С самого утра, очнувшись после вчерашнего ранения и последовавшей за ним потери сознания, Ху Тянь то и дело поглядывал на него столь странным, непостижимым и глубоким взглядом.

То ли он пытался выведать в нем что-то, то ли, глядя сквозь него, жаждал созерцать совсем другого человека.

Снова и снова, без устали.

Стоило же самому Юань Цзыжу заметить это и обернуться в ответ, как собеседник тут же, как и сейчас, мгновенно отводил взгляд, избегая любых зрительных контактов или встреч глазами.

Юань Цзыжу прекрасно понимал, почему Ху Тянь совершал такие движения на подсознательном уровне. Да потому что они были совершенно разными! Сейчас его собственные глаза при первом же взгляде не имели ни малейшего сходства с глазами прежнего владельца этого тела!

Юань Цзыжу просто-напросто перевернулся на спину и слегка прилег набок, ближе к спинке плетеного кресла, так что теперь с тыльной стороны разглядеть его нынешнее лицо стало практически невозможно. Пожалуй, теперь-то этот человек перестанет лишний раз терзать себя тоской по ушедшему, верно?

Жаль только, что Юань Цзыжу было суждено лишиться спокойного сна. Стоило ему это подумать, как сидевший позади мужчина впервые за сегодня заговорил сам:

— Ты так на него похож!

Не понимая, к чему тот снова клонит, Юань Цзыжу приподнялся и бросил в ответ лишь:

— Естественно, ведь я ношу его оболочку.

Однако Ху Тянь, стоя к нему спиной, заложил руки за спину и поднял голову к небу. В его выражении больше не было прежней бури эмоций — лишь непостижимая, никогда прежде не виданная гладь колодца. Покачав головой, он произнес:

— Дело не во внешности. Я говорю о ваших мелких привычках.

Юань Цзыжу невозмутимо ответил:

— И это тоже естественно, в конце концов, я изучил все его воспоминания!

Услышав это, Ху Тянь на мгновение замолк и лишь после этого задал вопрос. Впрочем, он по-прежнему сохранял прежнюю позу и ни разу не взглянул в его сторону.

— Тогда знаешь ли ты, в какой момент он впервые узнал обо всех тех моих делах?

Хотя Ху Тянь и был объектом молитвы, Юань Цзыжу считал, что рассказать ему об этом не составит никакого труда.

К тому же он полагал, что собеседник задал этот вопрос как нельзя вовремя. Ведь тот ответ, который он собирался дать, в определенной степени станет для Ху Тяня тяжелым ударом.

— Если мне не изменяет память, всё произошло на берегу реки Лунного белого цветка, где вы с Шань Жун некогда дали друг другу обет.

— В тот день стоял всего лишь час шэнь, когда Шань Жун отправилась туда, чтобы сорвать твоих любимых лунных белых цветов, но, к ее неожиданности, среди бела дня застала тебя кувыркающимся с другим малым демоном прямо посреди зарослей Лунного белого цветка. Юань Цзыжу изящно взмахнул рукой и сладко зевнул. Наверное, он слишком долго проспал в том пространстве, поэтому даже теперь, когда прошло уже немало дней, его тело всё ещё по привычке частенько клонило ко сну.

Он поднял палец, смахнув уголка глаза выступившие от зевка слезинки, и при этом не забыл вставить шпильку сидевшему рядом человеку:

— Хе-хе, ну у вас двоих и вкусы!

Однако на этот раз Ху Тянь не вышел из себя от его шпилек, как бывало прежде. Хотя он выглядел измождённым и усталым, было заметно, что в душе он, пожалуй, уже многое переосмыслил и отпустил.

Сложив руки за спиной и опустив голову, он неизвестно на что смотрел, а под конец лишь тяжело вздохнул:

— Вот оно что... Вот оно что, оказывается!

Юань Цзыжу уже ленился отвечать ему и снова медленно откинулся в плетеном кресле.

Он, конечно же, понимал, что именно Ху Тянь имел в виду под этими словами.

Ведь тот берег реки, где рос Лунный белый цветок, некогда был местом первой встречи Ху Тяня и Шань Жун. Там же они впервые предались страсти, тесно сплетясь телами.

Поэтому для них двоих, или по крайней мере для Шань Жун, это место было особенным. Там зародилась их любовь, и оно должно было оставаться чистым и прекрасным, не терпящим осквернения. Но Ху Тянь поступил хуже некуда — мало того, что предавался непотребствам, так ещё и попался на этом Шань Жюну, который случайно застал его в самый разгар. И ладно бы где попало, но ведь это место было для Шань Жюна самой священной чистой землей во всём мире!

Конечно, если бы Юань Цзыжу взялся судить этот поступок, он бы сказал лишь одно: у этого Ху Тяня и впрямь не все дома.

Каким бы острым ни было возбуждение от тайных утех, какую-то долю рассудительности всё же стоило сохранить, не так ли? Он ведь уже демон, принявший человеческий облик, неужели он всё ещё видит в себе лишь неразумное животное?

Даже самая глубокая любовь не способна вынести столь болезненного удара!

Именно после того случая Шань Жюнь в повседневном общении с Ху Тянем вёл себя как прежде, ничем не выдавая обиды, но он больше никогда сам не заводил речь о том, чтобы Ху Тянь составил ему компанию на прогулке у реки, где рос Лунный белый цветок.

С тех пор Шань Жюнь больше никогда не ходил туда, чтобы сорвать и принести домой Лунный белый цветок. Больше никогда не приносил домой Лунный белый цветок, который так любил Ху Тянь.

Даже когда Ху Тянь иногда вспоминал об этом, Шань Жюнь неизменно отказывал.

Потому что для него все самые прекрасные и лучшие Лунные белые цветы там уже завяли и погибли! Поэтому то «неудивительно», что Ху Тянь произнёс в этот момент, вероятно, означало, что он уже подсознательно вспомнил эти казавшиеся ему незначительными мелочах?

Юань Цзыжу не стал больше об этом беспокоиться и спокойно устроился в кресле-качалке, погрузившись в сладкий сон.

А Ху Тянь, который всё это время неподвижно стоял во дворе, больше не стал его тревожить. Он просто молча о чём-то размышлял.

Но кто знает? Да и кому какое дело?

Юань Цзыжу нужно было лишь донести до Ху Тяня одну вещь: с того самого первого раза, как больше двадцати лет назад он бросил Шань Жун и изменил ей, Шань Жун уже всё знала.

Наивная встреча сорок лет назад, отчаянная мольба ценой собственной жизни тридцать лет назад — Шань Жун с большим трудом потратила целых десять лет, чтобы наконец стать законной спутницей Ху Тяня.

Увы, после этого прошло всего-навсего три коротких счастливых года, прежде чем Ху Тянь окончательно предал её.

И всё же, как на протяжении этих более чем двадцати лет Шань Жун, глядя на такого Ху Тяня, снова и снова испытывала боль и онемение, пытаясь себя утешить?

Чего же она слабо ждала и на что надеялась, когда снова и снова была вынуждена сдирать корки со своих сплошных, сочащихся кровью ран, но при этом по-прежнему хранила молчание и сглатывала обиды?

Ху Тянь, вспомни всё! Ну же... вспомни всё!

А тем временем поздним вечером в резиденции Клана Юху.

Юху Хуаи крепко спала, но выражение её лица во сне вдруг резко изменилось: оно стало то болезненным, то радостным — не поймёшь и не разберёшь.

В её спальне непрерывно витал слабый, но при этом приторно-сладкий аромат какого-то безымянного цветка.

Юху Хуаи была просто счастлива, невероятно счастлива, что Ху Тянь наконец-то снова явился к ней во сне.

В последнее время ей казалось, что она уже очень давно не виделась с Ху Тянем, поэтому сейчас, имея возможность встретиться с ним хотя бы так, во сне, Юху Хуаи уже чувствовала себя в немалой степени удовлетворённой.

Если спросить, почему она могла так чётко отличать реальность от иллюзии — всё очень просто! Ведь только когда Ху Тянь появлялся в её снах, он одаривал её такой исключительно нежной и любящей улыбкой, как сейчас.

На самом деле Юху Хуаи знала, знала, что всё это время добивалась желаемого силой.

Но что с того, даже если и силой? По мнению Юху Хуаи, она столько всего отдала ради Ху Тяня, поэтому пусть он даже и сопротивляется всем сердцем, она лишь молила о том, чтобы однажды суметь удержать его подле себя!

Даже если у него нет сердца, получить его тело — уже более чем достаточно! Юху Хуаи с радостью бросилась в объятия Ху Тяня, и тот, улыбаясь, нежно обнял её в ответ. Затем он склонил голову, и они принялись медленно ласкать друг друга, соприкасаясь лицами.

Юху Хуаи была к этому привычна. Раз за разом, стоило ей увидеть Ху Тяня во сне — будь то дневные думы или ночные грёзы — после каждой такой встречи они неизменно находили время, чтобы украсть для себя эти мгновения радости.

Однако сегодня Юху Хуаи заметила, что стала куда чувствительнее, чем прежде.

Ощущения от его ласк казались пугающе реальными, и это заставляло её одновременно испытывать лёгкое напряжение и глубокое удовлетворение.

В конце концов, с того самого дня, как она призналась Ху Тяню в своей беременности, она провела бесчисленное множество дней и ночей в одиночестве на холодной постели, ведь Ху Тянь, разозлившись на неё, больше не делил с ней ложе.

Даже став духами и приняв человеческий облик, лисы сохраняли свою врождённую, невероятно сильную страсть, с которой было почти невозможно совладать.

Особенно если человек уже познал вкус плотских утех — стоило попробовать хоть раз, и забыть об этом было уже невозможно.

Брови спящей Юху Хуаи слегка нахмурились. Постепенно, по мере того как она наполнялась им всё глубже, она уже не могла сдержаться и начала издавать тихие, едва слышные стоны.

В порыве страсти её разметавшиеся по постели чёрные волосы метались из стороны в сторону, а тонкие, словно молодые побеги лука, пальцы впились в спину мужчины, дарившего ей это бесконечное наслаждение.

Ощувив волну жара, она почувствовала, как он извлекает себя из неё, и внезапная пустота

наполнила Юху Хуаи невыносимым томлением.

Во сне её глаза подёрнулись дымкой страсти. Несмотря на то что её прекрасное тело было совершенно обнажено, она не чувствовала ни капли стыда.

Напротив, она смело подняла ногу и начала мягко поглаживать ступнёй поясницу мужчины.

Когда он, с усмешкой, вновь дал ей то, чего она жаждала, Юху Хуаи тихо выдохнула и, крепко обняв его, снова погрузилась в водоворот неистового наслаждения.

В те минуты ей чудилось, будто она слышит обрывки грубых фраз: Ну и шлюшка, ну и тугая же ты там! или Чёрт возьми, как же хорошо! Ведь в прошлых снах Ху Тянь никогда не говорил ничего подобного, да и в реальности он от начала и до конца не одарил её ни единой улыбкой, а просто уходил сразу же после завершения дел.

Хотя Юху Хуаи прекрасно понимала: за исключением самого первого раза, каждый последующий раз он сдерживался и обнимал её лишь потому, что она угрожала рассказать об их связи Шань Жун.

Даже в те моменты, когда Ху Тянь был возбужден сильнее всего, он всегда вел себя крайне грубо, от начала и до конца не произнося ни слова, и весь процесс выглядел так, будто он просто наспех отбывает повинность, выполняя какую-то задачу.

Поэтому теперь, когда Юху Хуаи наконец услышала возле самого уха столь похотливые и грязные речи, она вовсе не сочла себя оскорбленной.

Напротив, она пришла в сильнейшее возбуждение. После серии судорожных сокращений тела ей показалось, что этот мужчина, сейчас казавшийся ей особенно красивым, со злостью шлепнул её по обеим розовым ягодицам.

Столь невиданный прежде опыт лишь сильнее будоражил и без того мятежное сердце Юху Хуаи, добавляя происходящему остроты.

— Маленькая шлюшка! Что, захотелось отрезать господину член? Мм?

Услышав это, Юху Хуаи тут же залилась краской, а её уста огласил хихикающий смех. Бесперывные подрагивания её тела, судя по всему, доставляли невероятное наслаждение и ему самому.

В конце концов, в таких взаимных ласках прошло неизвестно сколько времени.

Во всяком случае, Юху Хуаи чувствовала лишь одно: этой ночью Ху Тянь был куда более

страстным, чем когда-либо на её памяти.

Порой, извергнув семя, он вытаскивал его, но вскоре после этого снова глубоко вонзался внутрь, и больше между ними не было ни минуты передышки.

Снова и снова они крепко прижимались друг к другу, сливаясь воедино, в некоем беззаботном и вольном упоении, словно им было совершенно плевать на то, сколько утекло времени.

Пока в конце концов у Юху Хуаи не ослабли руки и ноги, и она уже почти не могла ублажать его, но как бы она ни молила о пощаде и ни кокетничала с человеком нависавшим над ней, тот не обращал ни малейшего внимания, продолжая терзать её без остановки.

И хотя она чувствовала, что уже едва это выносит, стоило ей лишь подумать о том, что мужчина, испытывающий к ней столь неукротимую страсть — это тот самый Ху Тянь, о котором она так долго тосковала, как в душе Юху Хуаи, несмотря на телесную муку, исподволь зарождалось сладкое чувство удовлетворения.

Даже прекрасно понимая, что человек перед ней — всего лишь порождение её собственного иллюзорного сна.

Поэтому, хотя Юху Хуаи и чувствовала, что с её телом творится что-то неладное, она всё равно изо всех сил изгибала талию, предельно чутко подстраиваясь под каждое движение мужчины. Пока Юху Хуаи не почувствовала, как внутри её тела один за другим стали подниматься нестерпимый холод и судорожная боль, а Ху Тянь, находившийся на её теле, всё ещё не желал останавливаться, она наконец выпустила острые когти и полоснула по груди этого пышущего энергией мужчины.

В конце концов, тот всё же почувствовал боль. На мгновение замерши, он с силой прижал обе руки Юху Хуаи с уже показавшимися острыми звериными когтями к её голове, намертво зафиксировав их, после чего вмиг ускорив движения своих бедер.

Наконец насладившись вдоволь и насытившись, он медленно слез с Юху Хуаи.

В этот момент Юху Хуаи, издав вслух несколько болезненных стонов, лишь ощутила, как с её головы и всего тела ручьями полился холодный пот.

Боль в животе становилась всё сильнее, и в то же время из-за неё некогда ясное зрение Юху Хуаи внезапно исказилось. После этого тяжелое, кружащееся головокружение вроде бы наконец отступило, однако Юху Хуаи обнаружила, что видит всё как в тумане.

Юху Хуаи интуитивно почувствовала, что что-то не так, но, как ни старалась потрясти головой, так и не смогла понять, откуда исходит это странное, неприятное чувство.

Затем она попыталась изо всех сил приподнять голову и протянуть руку, чтобы позвать на помощь Ху Тяня, который уже встал и замер у изгороди кровати.

Но в тот самый миг, когда она действительно подняла взгляд, её тело мгновенно оцепенело.

В то же время пронизывающий холод мгновенно ударил в самую макушку Юху Хуаи, чей разум наконец-то немного прояснился.

Пусть она и не понимала, какова ситуация на самом деле, но вместо единственного Ху Тяня, который ей изначально виделся во сне, теперь прямо перед её постелью стояло несколько обнаженных мужчин с совершенно неразличимыми лицами. Одного этого было более чем достаточно, чтобы до ужаса запоздало осознавая реальность Юху Хуаи едва не сошла с ума.

Поддавшись инстинкту, Юху Хуаи уже не обращала внимания на физическое недомогание — она лишь судорожно схватила шелковое одеяло, лежавшее у изголовья, и намертво прижала его к своему обнаженному телу.

Из её горла непроизвольно вырвался безумный, жалобный вопль:

— А-а!

Её сердце было охвачено полнейшим хаосом, а глаза покраснели от сдерживаемого отчаяния.

Как же она не заметила? Почему не заметила с самого начала? Если она спала, то почему её тело чувствовало боль?

Юху Хуаи судорожно вцепилась побелевшими пальцами в край одеяла — ведь она должна была заметить столько странностей намного раньше! Ведь в сегодняшней ночной близости ощущения были не просто реальнее обычного — даже если бы Ху Тянь обладал неисчерпаемой выносливостью, как могло дело дойти до бесконечных повторений, случившихся добрый десятков раз?

Подобного не случалось даже в самых смелых её снах.

Юху Хуаи смотрела на мужчин перед собой. Едва она села на постели, их лица расплылись в сальных, подбострастных ухмылках, но стоило ей вскрикнуть, как на их физиономиях отразились испуг и растерянность.

Особенно когда они затараторили: Да что вы кричите, барышня! Разве это не вы прислали нам весточку, чтобы мы пришли сегодня ночью? К тому же, разве вам не было приятно, когда мы, братья, ублажали вас? Нельзя же так: получили желаемое и сразу предали!

В глубине души Юху Хуаи охватило отчаяние, переходящее в холодную тоску.

Когда снаружи слышались беспорядочные шаги — люди сбежались на её крик, — она почувствовала, что жизнь рухнула.

Пусть она не знала, как всё это произошло, но, какой бы дерзкой и своевольной Юху Хуаи ни была в обычное время, она понимала: если весть о случившемся разойдётся, её репутация будет уничтожена навсегда.

В прошлый раз, когда она, будучи незамужней девицей, забеременела, ситуация была иной: все знали, что дитя от Ху Тяня, а Глава клана Юху уже прочил его в женихи.

Поэтому, даже если люди осуждали её поведение, статус невесты служил щитом, и последствия были не так страшны.

Но сейчас всё иначе. Она не только носит ребёнка, но и, имея официального жениха, в столь важный предсвадебный период каким-то непостижимым образом оказалась в постели с другими мужчинами, причём их было несколько.

Даже если натуру женщин клана Юху считают распутной, то, до чего опустилась она, мир простить не сможет.

Нужно всё скрыть. Я обязана найти способ это скрыть, — по щекам Юху Хуаи, чьи глаза горели зловещим блеском, покатались крупные слёзы.

Она с таким трудом добилась того, что почти вытеснила Шань Жун и вот-вот выйдет замуж за Ху Тяня — это было целью всей её жизни. Она никому не позволит всё разрушить! Никому!

Она вперила яростный взгляд в шестерых мужчин, явно бывших рядовыми стражниками особняка Юху. В пустых, лишенных блеска зрачках Юху Хуаи не отражалось даже их присутствия.

Внезапно она выкрикнула: Не входите!

Глава клана Юху, уже готовый распахнуть дверь, услышав странный шум, замер, а следовавшая за ним Госпожа Юху остановилась следом.

Это всё же были покои дочери, поэтому после такого окрика Глава клана Юху счёл неловким настаивать.

А вот Госпожа Юху шагнула вперёд и, постучав, с беспокойством спросила: Хуаи, Хуаи, это ты так кричала? Что случилось?

Юху Хуаи испугалась, что стражники у кровати снова издадут звук и привлекут внимание собравшихся за дверью. Не заботясь о том, что беременна, она через силу применила Заклинание, наложив запрет на тех, кто, поняв неладное, в страхе опустился на колени.

С этого момента шестеро стражников не могли ни проронить ни слова, ни пошевелиться — даже просто повести глазом стало для них невозможным.

Лицо Юху Хуаи приняло выражение ракшаса, выбравшегося из ада. Даже если она потеряет дитя, она сделает всё, чтобы тайна осталась погребенной.

Отец, матушка, со мной всё в порядке. Просто приснился кошмар. Сейчас я выгляжу слишком измождённой, не хочу показываться вам в таком виде. Мне уже лучше, простите, что заставила вас беспокоиться. Возвращайтесь к себе! Со мной правда всё хорошо.

Глава клана Юху и Госпожа Юху, зная, что их дочь никогда не терпела ни малейшего

дискомфорта, поверили её словам.

Переглянувшись, Госпожа Юху снова легонько постучала и мягко напутствовала: Раз так, ложись и отдыхай, не забивай голову лишним!

Услышав послушный ответ дочери из-за двери, она отослала слуг, сбежавшихся на крик. Супруги уже собирались уходить, как вдруг, едва отвлёкшись на миг, заметили, что к дверям прямо на ходу метнулась служанка в розовом.

Глава клана Юху и его жена увидели, что Ляньсян, личная служанка Юху Хуаи, которая всегда неотступно следовала за госпожой, без всякого почтения пытается ворваться в её покои.

Они стояли так близко к дверям, что столкновение было неизбежно.

<http://bllate.org/book/22153/2307663>